

Альбина ВАГИЗОВА

МАЛАЯ РОДИНА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Одноэтажное деревянное здание барачного типа на улице Жданова – здесь размещалась начальная школа № 33. Нас, первоклашек, а также остальных учеников, построили на линейку в школьном коридоре. У директора школы, И. П. Кривулина, было очень суровое, очень строгое лицо. Таким мы его не привыкли видеть. Спокойным, твёрдым голосом директор говорил о чём-то очень серьёзном и тревожном. Было непонятно, о чём, но запомнилось, что все мы должны быть очень-очень послушными, самостоятельными, делать только то, что говорят взрослые, любить и беречь маму, папу, братьев и сестёр. Дома старший брат сказал, что мама, услышав что-то по радиоприёмнику, вдруг громко воскликнула: «Война!». Но ничего страшного тогда не произошло, а повзрослев, я узнала, что такое Карибский кризис, и о том, как наша страна оказалась на грани войны с Америкой, и что могла начаться Третья мировая. Линейка в школьном коридоре, серьёзное лицо директора, его строгий голос надолго остались в памяти.

Ещё во время учёбы в начальной школе впервые услышала историю о происхождении названия родного посёлка Красный Брод (тогда официально он назывался именно так, а теперь – Краснобродский). Нам рассказывали о том, как проходила Гражданская война в нашем краю, о борьбе красноармейцев с белогвардейскими отрядами Колчака. Ожесточённый бой между белыми и красными завязался при переходе реки Кривой Ускат, расположенной на северо-востоке от посёлка, и речной брод окрасился кровью убитых и раненых бойцов. Так говорила наша первая учительница. Сначала посёлок назывался Каменным Бродом, но с тридцать первого года был переименован в Красный Брод. Помню рассказ учительницы о партизанке Зине, на груди которой, умирающей от ран, каратели вырезали звезду. Есть ещё версия, что слово «красный» –

это цвет речной гальки, образовавшейся из залежей красноватого горельника, которого было много в этих местах. Такой гальки, причём разных оттенков красного цвета, в детстве мы находили немало, набивали ею карманы, сравнивали, у кого камешки красивее. Тут же вспоминается ещё одна версия названия моей малой родины: «красный» – значит «красивый».

Однако из всех этих трёх версий первая – революционная, героическая – выглядит предпочтительнее: в тридцатые, когда давалось название населённому пункту, дух революционного патриотизма ещё витал в воздухе, был традицией, политической идеологией. С шестидесят первого года официально посёлок стал называться Краснобродским, что звучит более отвлечённо в смысловом аспекте, но в народе бытует другое название – Красный Брод: так проще, конкретнее, понятнее. А вообще наш топоним уникален, и как доказательство: попробуйте набрать это название в «Яндекс» (или в другой поисковой системе) – высветится именно наш населённый пункт. К истории посёлка также имеют отношение небольшие поселения рядом с Краснобродским – Реутовский («реут» – большой колокол) и Караульный (правда, его уже нет). Здесь в позапрошлом и в начале прошлого века находились дозорные вышки, а неподалёку проходил Екатерининский тракт. Ещё было в посёлке кирпичное здание тюрьмы, ко времени моего детства почти совсем разрушенное; с горы, на которой оно стояло, зимой мы часто катались на санках. Старожилы рассказывали немало интересного, связанного с событиями того времени. Собирая материалы для курсовой о прозвищах жителей села старый Красный Брод (оно располагалось к северу от нынешнего посёлка) во время учёбы на филфаке КемГУ, я услышала и записала красивую легенду о всаднике-призраке, ищущем свою украденную невесту, и ещё несколько историй.

Деревянный финский дом, где прошли мои детские годы, был словно окутан тайной. Улица Краснобродская, где этот дом и стоит поныне, – одна из первых улиц нашего горняцкого посёлка. В нём в конце сороковых годов размещались классы начальной школы (а всего тогда было несколько начальных школ в разных местах посёлка – так много детей рождалось в те годы). Затем, в начале пятидесятых, в посёлке построили новую школу, кирпичную, двухэтажную, а это здание было наскоро переделано под жильё: сколочена деревянная перегородка, делящая его на две половины. Сюда въехали две учительские семьи: в одну половину мои мать с отцом, а в другую – одинокая учительница, из деревни, с дойной коровой. Стайки для скотины первое время не было, и в холода бурёнка жила прямо в доме. Иногда раздавалось громкое журчание, и тёплая лужица благополучно перетекала под перегородкой на половину моих родителей. Те с инте-

ресом наблюдали за происходящим, но претензий к коровушке никто не предъявлял, поскольку рогатая жилища – кормилица всё же и персона ох какая важная. Меня тогда ещё и на свете не было, но позже я услышала от матери это семейное предание. Кстати, коровы в дни моего раннего детства были чуть ли не в каждом соседском дворе. Вечерами нам, ребятишкам, неизменно полагалась кружечка парного молока. Потом, когда пошла в школу, поголовье бурёнок заметно сократилось, возможно, к этому была причастна хрущёвская, а затем брежневская политика в сельскохозяйственном вопросе. Времена насчёт продуктов питания были напряжённые, в шестидесятые и позже наша семья постоянно что-нибудь держала из живности в стойке – барана, бычка, поросёнка, кур. Вспоминую, как отец разводил кроликов, соорудив в пристройке к дому многоярусные клетки. Мы с братом с удовольствием кормили ушастых травой, морковкой. Зимой я бегала в кроличьей шубке, заботливо сшитой матерью.

Поскольку родной дом был первоначально школой, возможно, поэтому тяга к знаниям, любовь к чтению передавалась всем, кто жил в нём когда-то. В этом доме благополучно выросли педагог, лётчик, два библиотекаря (две подруги детства, работают сейчас в областной библиотеке им. В. Фёдорова), три горных инженера.

Когда я начала учиться в 5-м классе, пионервожатая повела наш класс в музей соседней школы. Здесь нам открылась ещё одна страница истории родного посёлка. На стенах цветные таблицы, схемы, в витринах кости, бивни мамонта, череп древнего бизона. Ученица-старшеклассница проводила экскурсию, звучали незнакомые слова: эпоха, мезозойская эра, палеолит, кайнозой. Мы узнали, что причудливые гигантские папоротники, выраставшие под солнцем в древних лесах нашего края, отмирали, скапливались в толще земли, и за миллионы лет из торфа в земных недрах образовался каменный уголь. Ещё нам рассказали, что на том самом месте, где мы сейчас стоим, когда-то располагались стоянки древних людей. Указкой показала на картину, где были изображены наши далёкие предки у костра, очага жизни. Их лица освещены пламенем, в стороне – туша убитого животного. Мамонтов, шерстистых носорогов, бизонов в наших местах действительно встречалось немало – об этом говорят ископаемые фрагменты скелетов этих древних животных. Бивни, рога, зубы, другие кости нередко обнаруживали во время вскрышных работ горняки. Н. С. Угольков, много лет проработавший машинистом экскаватора, в своё время передал музею найденные фрагменты, а с гидроучастка принесли зубы носорога, вымытые гидроустановкой. Жительница одного из финских домов рассказывала, как у неё в подполе много лет торчали из-под земли изогнутые части бив-

ней мамонта, на которые было удобно развешивать дорожки, ведра.

Где-то к концу девяностых в приложении «АиФ в Кузбассе» увидела публикацию с громким названием «Первые неандертальцы жили под Красным Бродом». Супруг аккуратно вырезал статью и отправил в конверте своему однокласснику, живущему на Алтае. Сам факт жизни неандертальцев в наших местах спорный, не доказан наукой, но статья с таким названием (да ещё с крупным заголовком!) имела место, что уже само по себе примечательно.

Хочется слегка коснуться истории моей семьи. Мама родилась в семье переселенцев из Чувашии, её родители одними из первых основались в Михайловке (селу уже более 110 лет). Там она и появилась на свет, а когда была маленькой, семья попала под раскулачивание. Только за то, что на девять детей и двух родителей приходились лошадь, две коровы и швейная машинка – неслыханная по тем временам роскошь!

Пережили ссылку в Нарым, голод, холод, смерть матери от тифа, бегство отца с детьми из томской тайги: выжить в землянке было невозможно. Дети посаживали кедровые щепочки, надо же было хоть что-то положить в рот. Выживали как могли, занимались на любую работу. Моя мама, чуть подросшая, обстирывала большую семью. Потом юность, война, учёба в кемеровском педучилище, по вечерам работа на военном заводе. На фронт моя мать не прошла из-за маленького роста, хоть и пыталась на цыпочках дотянуть недостающие сантиметры. После войны приехала в родную деревню, работала в школе. Там и встретилась с отцом, фронтовиком, вдовцом с тремя сыновьями. Отец вёл в школе историю и географию и за учительскую работу был награждён орденом «Знак Почёта». В годы Гражданской войны он участвовал в становлении советской власти в Поволжье. После окончания пединститута в Куйбышеве переехал в Михайловку, учительствовал, затем, в годы Великой Отечественной, в войне с Японией, был начальником радиостанции зенитного дивизиона (имеет медаль «За боевые заслуги»). Так в биографиях моих родителей отразилась непростая, трудная история целой страны. Из деревни отец с матерью и детьми отца в начале пятидесятых годов переехали в молодой горняцкий посёлок Красный Брод, там впоследствии родились мой брат и я.

Из окон финского дома, где живут сейчас мой брат и старенькая мама, сквозь ветки тополей улицы Новой можно видеть два позолоченных купола Ильинского храма. В праздники, радуя слух и наполняя сердца благодатью, плывут над улицами колокольные звоны. Храм этот стал местной достопримечательностью, в нём постоянно проходят службы, сюда привозят святыни, поклониться которым приходят не только краснобродцы, но и жители близлежащих сёл и деревень. Сюда идут с болью и радостью, с надеждой и с верой. Радует, что

службы посещают представители многих социальных слоёв: горняки, служащие, интеллигенция, пенсионеры. Торжественные литургии и освящение храма проводил здесь в своё время епископ Софроний, а после его кончины на престольный храмовый праздник приезжает митрополит Аристарх. И это – настоящий праздник, яркое событие для верующих.

Когда храма в посёлке не было, службы и крещения проводились в небольшой кирпичной постройке, расположенной неподалёку, а ещё ранее церковь размещалась в доме прихожанки Серафимы Бабиной на улице Краснобродской, улице моего детства. Я хорошо помню эту трудолюбивую семью. Они долго держали корову, другую живность, сами заготавливали сено, много работали на огороде, были доброжелательны, немногословны, просты в общении, говорили тихо, спокойно.

В начале девяностых с финансовой помощью разреза «Краснобродский» началось строительство Ильинского храма, которое завершилось к концу декабря девяносто седьмого.

Когда-то, в середине шестидесятых, на месте храма располагался сквер с обелиском в память краснобродцам, погибшим на фронтах Отечественной, а чуть поодаль – кинотеатр «Рассвет». В сквере росли акации, всегда ухоженные, постриженные, вечерами работала летний кинотеатр. На одной из внешних стен «Рассвета» был растянут киноэкран, а перед ним установлены ряды деревянных скамеек. В погожие вечера для жителей посёлка устраивались показы художественных фильмов, киножурналов «Фитиль», «Новости дня» и других. Когда площадка пустовала, мы, девочки и мальчишки, упражнялись в ловкости, любили прыгать по скамейкам, преодолевая расстояние от первого до последнего ряда.

За последние годы мой посёлок сильно изменился, заметно вырос вширь. Здесь есть всё для развития личности и отдыха – культурный центр, стадион, школа искусств, храм, спортзал, библиотека, это поселковые достопримечательности. Черта времени – обилие в посёлке торговых точек, к сожалению, торгующих пивом тоже.

Хотите прекрасно отдохнуть – рядом, в соседней Трудармейке, всего минутах в двадцати езды, есть берёзовая роща, а там Ледовый дворец, велодорожки, скалодром, сказочные деревянные фигуры, лыжный спуск, канатная дорога – всё, что только душа пожелает. Недалеко развлекательный центр с бассейном и аквапарком – чего ещё надо!

В День шахтёра 2010 года Краснобродский стал столицей празднования, в связи с чем многие здания в посёлке отремонтировали, облагородили. Расписали фасады двух- и пятиэтажек на главной улице, кры-

ши покрыли бордовой металлочерепицей (по аналогии с первыми финскими домами с красноватыми черепичными крышами), выложили фигурной плиткой аллеи. Современный детский сад с бассейном, горняцкая площадь, сквер, автовокзал – это новые объекты. Радуют взор обновлённый культурный центр, стадион, площадь Победы. В порядке поселковый обелиск, за последние годы на нём появилось ещё несколько имён павших краснобродцев. В посёлке немало зелёных насаждений – лиственных и хвойных деревьев, кустарников. Помню, когда была школьницей, Красный Брод по озеленению и чистоте занимал первое место в области (где-то в середине или конце шестидесятых).

Посёлок меняется, правда, не всегда в лучшую сторону. Если лет двадцать назад из окон пятого этажа я хорошо видела и поля, и лесопосадки вдалеке, и часть беловской трассы с движущимся по ней автотранспортом, то теперь совсем другой вид. Отвалы вплотную подошли к посёлку, окружив его почти со всех сторон, и лишь с юго-запада шумят, радуя взор, берёзовые рощи Салаирского кряжа. Живём словно в котловине, дымный смог у нас – увы! – нередкое явление. Посмотришь в окно: кругом сплошь горняцкий пейзаж – отвалы, экскаваторы, тэхдороги и БелАЗы почти рядом, как игрушечные. Грустно! Тревожит ещё и тот факт, что в последнее время краснобродцы всё чаще ощущают подземные толчки техногенного характера (отвалы дают многомиллиардную массу). Природа – живой организм, она болезненно реагирует на любое неблагоприятное вмешательство, требуя разумного, мудрого отношения к себе. Живём на угле, но нельзя же бесконечно, бездумно рыть землю, тут осторожнее надо быть, подходить к производству с научно обоснованных и экологических позиций, думая о людях и завтрашнем дне. Знаем, как этой проблемой был обеспокоен губернатор. Насчёт отвалов: есть надежда, что с годами их полностью рекультивируют, засадят склоны облепиховыми садами да сосновыми лесами, благо в этом направлении уже ведётся работа.

Здесь, в маленькой точке огромной земли, можно жить и чувствовать себя совершенно счастливым, здесь в отдельную человеческую судьбу может вместиться целая вселенная, здесь на протяжении десятилетий может никогда не покидать чувство единения с жизнью большой планеты. Сколько ещё впереди увлекательного – природа, православие, чтение, загадки непознанного и мир прекрасного, поездки, встречи, общение! Никогда не перестанут волновать тайны окружающего и тайны человеческой души. И хочется верить, что жизненная дорога, начавшаяся когда-то в далёком детстве, будет ещё долго согрета ласковым солнцем моей малой родины.